

канной формуле: «Причина войны должна быть законна»¹⁹. Высказан ряд аналогичных рекомендаций по поводу переговоров с противником (правда, о личной встрече двух главнокомандующих Маврикий не упоминает). Обращено внимание на недопустимость заносчивого отношения к партнеру, унижающего его достоинство, хотя бы его войско было меньше по численности²⁰. Даже после одержанной победы следует выслушать вражеские предложения об условиях мира, если здесь не кроется какого-либо обмана²¹. Вслед за Онасандром Маврикий рекомендует никоим образом не нарушать клятвы, данной неприятелю²², твердо соблюдать все взятые на себя обязательства²³.

Однако в дальнейшем Маврикий высказывает ряд советов, находящихся в явном противоречии с этими положениями. Он советует усыпить бдительность вражеских послов посредством льстивых речей, а когда послы отбудут, последовать за ними и напасть на врага, не ожидающего нападения²⁴. Можно поступить и иначе: дезориентировать противника миролюбивыми предложениями и, улучив момент, внезапно напасть на него²⁵. Эти рекомендации даются Маврикием в главе, посвященной организации неожиданных нападений. Подобная идея не была чужда и Онасандру (о чем — ниже), но если у последнего неожиданные нападения обеспечиваются исключительно военными мерами, то Маврикий ставит проблему шире: он ведет речь не о «чистых» стратегемах, а о целом комплексе мероприятий, в которых дипломатия становится одним из орудий достижения военного успеха. Перед нами здесь — редкий случай, когда философ-теоретик Онаандр проявляет себя более узким военным «технологом», чем практик Маврикий. Для Онасандра война — это одно, а дипломатия — нечто совсем иное. Для Маврикия — это единый комплекс акций, обеспечивающих победу над врагом, а ее цена складывается из предательства и вероломства так же естественно, как и из искусства командиров, храбрости солдат и божественного благоволения. И дело, видимо, не в качествах характера Онасандра и Маврикия, а именно в том, что Онаандр не знает военную реальность, Маврикий же досконально разбирается в ней: он был современником напряженной, отчаянной борьбы византийского и варварского миров, войны насмерть, когда все средства ее ведения признавались одинаково приемлемыми.

Характер военной доктрины, которую преподносит читателю Онаандр, отличается прямолинейностью и однозначностью: он представляет римское войско только в роли наступающей стороны. Об обороне в трактате фактически не сказано ни слова. Даже в заключительных разделах, где рассматриваются проблемы полиоркеттики, речь идет лишь об осаде вражеских крепостей, тогда как об обороне собственных городов даже не упоминается.

Такая односторонность, объяснимая в отношении Онасандра, совершенно несвойственна Маврикию. Как уже установлено нами ранее, «Стратегикон» создавался в качестве всеобъемлющего руководства, рассчитанного на ведение войны против любого противника и в различных условиях. Автор столь же искушен в ведении оборонительной войны, сколь и наступательной²⁶. Существенным вкладом Маврикия в разработку проблем военной науки явился составленный им план мероприятий по организации стратегической обороны — подготовке армии и гражданского населения к войне в предвидении вражеского нашествия²⁷.

Соответственно решаются двумя авторами и проблемы экономического

¹⁹ *Mauricius*, VIII, 2, 12, p. 206.

²⁰ *Ibid.*, VIII, 1, 32, p. 202.

²¹ *Ibid.*, VIII, 2, 44, p. 212.

²² *Ibid.*, VIII, 1, 36, p. 202.

²³ *Ibid.*, VIII, 2, 29, p. 210.

²⁴ *Ibid.*, IX, 1, 4, p. 222—224.

²⁵ *Ibid.*, IX, 1, 5, p. 224.

²⁶ См. об этом: *Кучма В. В.* Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник. — ВВ, 1979, 40, с. 69—70.

²⁷ *Mauricius*, X, 2, 1—11, p. 252.